

Цзян Янь устроился на плече Вэй Цзи и заснул, но, казалось, спал беспокойно, то и дело прижимаясь подбородком к его ключице.

Вэй Цзи уснуть не мог тем более, и когда Цзян Янь снова потёрся о него, он наконец не выдержал и легко похлопал его по спине, словно укладывая днём спать младшую сестрёнку.

На этот раз Цзян Янь действительно затих.

Вэй Цзи опустил взгляд на его покрасневшие щеки, думая про себя, что за последние два года того и вправду стало очень легко успокоить, и тут же вспомнил их первую встречу.

В тот год Вэй Цзи исполнилось тринадцать, и император назначил его компаньоном принца по учебе. В тот же день, когда было оглашено устный указ, отец вызвал его в кабинет.

— Благодаря безграничной милости государя ты удостоился чести стать компаньоном Его Высочества. Это дело, что приносит славу нашему роду. Справишься — поместье маркиза сможет гордиться тобой, оплошаешь — навлечёшь беду на весь наш дом, вплоть до казни и уничтожения клана.

Наследник — будущий государь. Служить правителю — всё равно что находиться рядом с тигром, и с будущим правителем дело обстоит точно так же.

Запомни: каждое твоё слово и каждый твой поступок — это лицо поместья маркиза. Не смей злить Его Высочество, во всём ставь его интересы на первое место.

После слов отца Вэй Цзи испугался так, что несколько ночей подряд видел кошмары.

Если бы не страх навлечь на поместье маркиза обвинение в неповиновении императорскому указу, Вэй Цзи ни за что не согласился бы стать компаньоном наследного принца.

Осколки от разлетевшегося вокруг фарфора падали ему под ноги и оседали в его сердце.

Яньгань в период течки крайне чувствителен к запахам, поэтому двери и окна опочивальни были завешены плотными портьерами, а посторонним строго-настрога запрещалось входить в покои наследника или выходить из них.

Промелькнуло четыре года, и Вэй Цзи уже не боялся его так, как поначалу.

* * *

Пролихоманив его целые сутки, на следующий день Цзян Янь вступил в период течки.

Вэй Цзи, которого оттеснили в угол за плотные ряды людей, пытался разглядеть бьющегося в сильном жару юношу на ложе, но из-за пологов не видел ничего, кроме торчащего наружу запястья.

Тот не видел даже тех детских ботиночек с тигриными мордочками и думал, что это какая-то матерчатая игрушка. Он даже спросил у Вэй Цзи, почему у этой тряпичной забавы есть прорезь и почему внутри нет ваты.

Вэй Цзи привык возиться со своими младшими дома, и кое-какие приёмы отлично срабатывали и с Цзян Янем.

Восточный дворец стоял на ушах, все сбились с ног. Цзян Янь всё ещё был в полубессознательном состоянии, а вокруг его ложа толпилось с десятков врачей.

В то время нрав у Цзян Яня был донельзя переменчивым, и Фан Цзиньань с остальными боялись попадаться ему на глаза, а потому по любому поводу заставляли Вэй Цзи передавать ему слова.

Вэй Цзи впервые попал во дворец. Всю дорогу его сердце трепетало от страха, а красные дворцовые стены казались ещё юному ему пугающе высокими и давили так, что трудно было дышать.

Вэй Цзи был не единственным ребенком в семье: подрастали младшие брат и сестра, которые как раз находились в самом озорном возрасте.

Он начал бояться Цзян Яня ещё до того, как увидел его, а когда увидел по-настоящему... испугался ещё сильнее.

Заметив, что эти уловки действуют, Вэй Цзи начал обращаться с ним как с ребенком, то и дело принося из за стенами дворца какие-нибудь диковинные безделушки для Цзян Яня.

Диковинные — это громко сказано, на самом деле в них не было ничего особенного, просто Цзян Янь, запертый во дворце, никогда в жизни не видел подобных простых народных игрушек.

Войдя в Восточный дворец в смертельной тревоге, он застал Цзян Яня в ярости: из-за чего-то рассердившись, тот со злости швырнул об пол хрустальный кубок.

Этот наследный принц и впрямь оказался таким, как ходили слухи — надменным, своенравным и до жути страшным.

На второй год обучения Вэй Цзи при наследнике Цзян Янь без всякого предупреждения несколько дней пролежал в жару, после чего из обычного человека превратился в редкого

яньганя.

Из-за перемен в организме в те дни Цзян Янь отличался сквернейшим характером и вспыхивал по любому пустяку. Радовало лишь одно: при всей своей любви к гневу он не спешил наказывать тех, кто находился рядом.

Позже их отношения наладились, и причиной тому удивительным образом стал скверный нрав Цзян Яня.

Постепенно, чем чаще Вэй Цзи общался с Цзян Янем, тем яснее понимал, что этот наследный принц порой бывает сговорчив, как малый ребёнок: стоило лишь отыскать причину его гнева и немного утешить, как всё быстро улаживалось.

После того случая Вэй Цзи старался лишний раз не попадаться Цзян Яню на глаза и перебросился с ним всего парами фраз.

Сам он был обычным человеком и не ведал, что такое период течи, но несколько раз сопровождал Цзян Яня и знал, какое это мучительное испытание для не вступивших в брак яньганей.

Если хорошенько подсчитать, Цзян Янь тоже скоро достигнет возраста, когда пора жениться.

Вэй Цзи отвёл взгляд и тихо замер в неприметном уголке.

После утренней аудиенции император с императрицей вместе пожаловали в Восточный дворец, и Вэй Цзи, заведя их прибытие, был вынужден поспешно вернуться в поместье маркиза.

Судя по его прежнему опыту, нынешний период течи у Его Высочества продлится пять дней, так что в эти дни Вэй Цзи, разумеется, мог не ходить в Восточный дворец, однако забросить учебу он тоже не собирался и целыми днями сидел запершись в комнате, повторяя книги.

Проведя в заточении несколько дней, на третьи сутки Восточный дворец прислал за Вэй Цзи человека с велением явиться во дворец: наследник пожелал его видеть.

Вэй Цзи ничуть не удивился, наскоро переоделся в другое платье и сел в карету, направляющуюся в Восточный дворец.

* * *

Порьеры в опочивальне Цзян Яня еще не убрали, внутри царил крошечный полумрак, и только у кровати горели две свечи.

Едва переступив порог, Вэй Цзи уловил горький запах лекарств и какой-то неуловимый аромат, который стремительно, подобно нырнувшей в море рыбе, проник ему в ноздри и прямо осел в груди.

Сердце Вэй Цзи неожиданно дважды громко стукнуло, отчего дыхание стало чуть более частым.

Это странное ощущение так же быстро исчезло, и он больше не чувствовал прежнего запаха.

Решив, что ему просто померещилось, Вэй Цзи не стал придавать этому значения и поклонился Цзян Яню:

— Ваше Высочество...

Не дожидаясь, пока тот опустится на колени, человек на ложе раздраженно бросил:

— Не нужно церемоний. Когда ты в тот день ушёл, почему даже словом не обмолвился?

Неизвестно с каких пор, оставшись наедине, Цзян Янь стал обращаться к нему на ты.

Вэй Цзи торопливо пояснил:

— Подметив, что пожаловал сам государь, я подумал, что мне здесь оставаться некстати, и потому поспешил уйти.

— Тогда почему ты три дня не появлялся?

— В эти дни Ваше Высочество хворали, и в моём сопровождении для учебы не было нужды, поэтому я и не приходил.

Не дождавшись ответа от Цзян Яня после этих слов, Вэй Цзи невольно поднял голову.

Жар у Цзян Яня ещё не спал, видом он казался болезненным, однако пара таящих недовольство глаз пылала прежней властью.

Он в упор уставился на Вэй Цзи, а когда тот посмотрел в ответ, демонстративно отвернулся.

Вэй Цзи опешил: с чего это Цзян Янь вдруг снова разозлился на ровном месте?

Помолчав немного, Вэй Цзи осторожно подал голос:

— Ваше Высочество?

Сидящий на ложе человек даже не шелохнулся в ответ, продолжая стоять к Вэй Цзи спиной.

В этот момент слуга откинул полог и внес пиалу с лекарством. Заметив неладное в атмосфере покоев, он шагнул необычайно тихо и осторожно.

Переведя взгляд с человека на постели на растерянного маленького чиновника Вэя, застывшего на месте, Цзинь Фужуй мысленно вздохнул.

Приблизившись к Вэй Цзи, он понизил голос:

— Прошло три часа, Ваше Высочество пора принимать успокоительный отвар.

Раз пиалу протянули ему, Вэй Цзи ничего не оставалось, как взять её.

Цзинь Жуйфу был прожженным хитрецом и, избавившись от горячей картошки, согнулся в поклоне и поспешно ретировался.

Вэй Цзи, держа в руках пиалу с лекарством, некоторое время колебался, не зная, с какой стороны подступиться, а затем набрался смелости и произнес:

— Ваше Высочество, успокоительный отвар готов.

К счастью, при всей своей вспыльчивости Цзян Янь не был глух к доводам. Услышав это, он повернулся, но лицо его по-прежнему было мрачным, а глаза опущены — точь-в-точь капризный ребёнок, которому не дали конфету.

Вэй Цзи шагнул вперед, от отвара в фарфоровой чаше поднимался пар.

У Цзян Яня был кошачий язык, и горячее он есть не мог, поэтому Вэй Цзи на ходу помешивал снадобье ложечкой, позволяя кисловатому запаху лекарства рассеиваться в воздухе.

Глядя на сосредоточенного Вэй Цзи, который усердно студил отвар, Цзян Янь заметно смягчился в лице.

Успокоительный отвар не должен был остыть слишком сильно, и, когда он достаточно остыл, Вэй Цзи протянул его Цзян Яню.

В отличие от обычных лекарств, этот отвар обладал неизъяснимым кисло-горьким вкусом. Цзян Янь осушил чашу в один присест, тяжело сдвинув брови.

На стоявшем рядом столике лежали цукаты и выпечка. Вэй Цзи подал Цзян Яню кусочек лакомства, а затем заставил сделать несколько глотков теплого чая, чтобы заглушить привкус лекарства.

Заметив, что Вэй Цзи так и замер у кровати, Цзян Янь недовольно поморщился:

— Не стой столбом, загораживаешь мне свет.

Услышав это, Вэй Цзи испугался и уже собирался отойти подальше, как вдруг услышал:

— Садись ближе.

Цзян Янь подвинулся вглубь постели, освобождая место для Вэй Цзи.

Вэй Цзи хотел было возразить, что это нарушает правила, но ему уже приходилось нарушать правила и похуже. Поколебавшись секунду-другую, он в конце концов медленно присел рядом.

Он сидел неестественно прямо, до боли напрягшись всем телом, глядя исключительно перед собой, и не зная, о чём говорить, раз уж Цзян Янь молчит.

В такие минуты восприимчивость Вэй Цзи обострялась сильнее обычного: он чувствовал, как сидящий рядом человек слегка качнулся раз, качнулся другой.

Спустя несколько мгновений тишины Вэй Цзи почувствовал тяжесть на коленях — Цзян Янь прилёг, положив на них голову.

Опустив взгляд, Вэй Цзи встретился глазами с Цзян Янем, и его сердце испуганно сжалось.

Опять этот липкий взгляд.

У Цзян Яня был странный нрав. За те несколько лет, что они были знакомы, он то и дело устраивал непонятные для Вэй Цзи капризы, однако из хорошего — гнев приходил так же быстро, как и уходил.

Если успокоенный Цзян Янь походил на крупного зверя, который спрятал когти и блаженно обнажил мягкое брюхо, то Цзян Янь в период течки напоминал жаждущего спаривания самца, от которого исходил густой, обволакивающий запах тепла, призванный приманить самку.

В этот самый момент этот «самец» в периоде гона лежал с раздумывавшимся лицом, с красиво подведенными краями глаз, а в его влажно блестящих зрачках отражался Вэй Цзи.

Этот его мягкий, полный нежности вид снова напугал Вэй Цзи.

Заметив растерянность на лице Вэй Цзи, Цзян Янь сглотнул подступивший к горлу ком, и сбитым, хриплым голосом произнес:

— Не смей смотреть на меня.

Хотя он использовал запрещающее слово, в его тоне не было приказа — лишь едва уловимая спешка в хрипловатом голосе.

Вэй Цзи почувствовал себя ужасно неловко под таким взглядом Цзян Яня, а услышав эти слова, тут же послушно зажмурился.

Его душа пребывала в смятении, зрачки невольно метались под тонкими веками, а когда Цзян Янь опустил на них ладонь, Вэй Цзи от страха замер и боялся даже вздохнуть.

В покоях царила абсолютная тишина, казалось, было слышно, как падает игла, и лишь тяжелый дух горьких лекарств наполнял комнату.

Рука не убиралась, и Вэй Цзи оставалось лишь сидеть изваянием, крепко зажмурив глаза.

Неизвестно, сколько времени прошло, когда у самого уха возникло щекочущее ощущение. Вэй Цзи сперва подумал, что ему мерещится, пока кожу не овеяло горячим дыханием, от которого у него перехватило дух.

Это щекотание переместилось с мочки уха на шею, а затем — на другую сторону.

Цзян Янь обнюхивал его!

Говорили, что в период течки органы чувств яньганей обостряются, особенно нюх. Вэй Цзи понятия не имел, что именно Цзян Янь вынюхивает на его теле и зачем делает это с таким усердием.

Неужели... от него исходит какой-то странный запах?

Вэй Цзи занервничал, охваченный тревогой, и инстинктивно качнулся в сторону, но тот последовал за ним и принялся снова.

Называть это нюханьем было бы не совсем верно: Цзян Янь не просто принялся к Вэй Цзи, он оставлял на его теле следы своего собственного запаха, точно дикий зверь, что метит границы своих владений.

Цзян Янь прижался так близко, что Вэй Цзи отчетливо ощущал каждый его вдох, хотя сам тот не прикасался к нему ни единым пальцем.

Эта зыбкая близость продолжалась дольно долго — настолько долго, что тревога Вэй Цзи достигла предела.

Наконец Цзян Янь замер на одном месте и больше не двигался, и только тогда Вэй Цзи робко приоткрыл глаза.

Их взгляды встретились: глаза Цзян Яня по-прежнему были влажными, и в них плескалось неосознанное, слепое обожание.

<http://bllate.org/book/18661/1799223>